

Е.В.Шашкова

И.И.ПАНАЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ (К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Выдающийся журналист, редактор, писатель Иван Иванович Панаев являлся личностью, во многом определявшей характер литературно-журнальной жизни первой половины XIX века. Его деятельность многогранна, она включает в себя лирические стихотворения и стихотворные пародии, рассказы и очерки, критические статьи и заметки, публицистические отзывы и переводы. Однако писатель, стоявший, можно сказать, в самой гуще литературно-журнальной жизни, оказался вытесненным в научной литературе из череды деятелей, влияние которых общепризнанно. По большей части И.И.Панаев и упоминается только в связи с ними. Даже его деятельность по созданию нового «Современника» сводилась порою чуть ли не к только финансовому участию. Задачей автора статьи и является выяснить причины ухода И.И.Панаева — одной из выразительных фигур своего времени — на второй план в литературно-журнальном мире.

Ключевые слова: литератор, журналист, И.И.Панаев, В.Г.Белинский, Н.А.Некрасов, статьи, заметки, издательство, журнал, повести, фельетоны

Иван Иванович Панаев — один из видных представителей натуральной школы, рецензии и статьи которого заостряли внимание читателей не только на каком-то новом произведении, но содержали в себе и оценки современного литературного процесса, размышления о его дальнейших путях. Отклики его на поэтические явления 1840—1850-х годов пронизаны призывами к поиску новых тем, предметов изображения, к совершенствованию поэтического языка. Во многом благодаря ему «Современник», основанный А.С.Пушкиным, начал новую жизнь и занял ведущее место на литературно-журнальной арене. В жизненной и творческой судьбе И.И.Панаев соединяет несколько эпох русской литературной жизни. Его деятельность многогранна, она включает в себя лирические стихотворения и стихотворные пародии, рассказы и очерки, критические статьи и заметки, публицистические отзывы и переводы.

Однако в русскую литературу И.И.Панаев вошел как писатель второго ряда и остался в ней как-то незаслуженно забыт. Писатель, стоявший в самой гуще литературно-журнальной жизни, оказался вытесненным в научной литературе из чреды деятелей, влияние которых общепризнано: В.Г.Белинского, Н.А.Некрасова, И.С.Тургенева, Н.Г.Чернышевского, Н.А.Добролюбова. Мнение о нем в кругу современников весьма противоречивы, о чем свидетельствует его переписка и другие документальные источники.

«Ребенок и ветрогон», — так называет В.Г.Белинский Панаева в письме к В.П.Боткину в апреле 1842 года, несмотря на немалое количество услуг, которые оказал Панаев известному критику, особенно в начале их знакомства.

«...я не могу издавать “Наблюдателя”, — читаем в письме Белинского к Панаеву от 18 февраля 1839 года, — <...> и нахожу себя принужденным ныне отказаться от него. Но между тем — мне надо чем-нибудь жить, чтоб не умереть с голоду — в Москве нечем мне жить <...> Мне надо ехать в Питер, и чем скорей, тем лучше. Прибегаю к Вашему ко мне расположению, к Вашей ко мне дружбе — похлопочите об устройении моей судьбы». Ту же просьбу о скорейшем решении своей участи Белинский пытается повторить чуть позже 22 февраля 1839: «... Мне надо переехать в Петербург, хоть на год, хоть, на два, только непременно надо: этого требуют и внешние и внутренние мои обстоятельства». Эта же просьба звучит в письме от 19 августа того же года: «...с Москвою мне уж поскорее хотелось бы разделиться» [1, с. 248].

Именно Панаев, как известно, в 1839 году организовывает переезд Белинского в столицу, с последующим его устройством в отдел «Критики и библиографии» журнала «Отечественные записки».

Нельзя не отметить, что отношение Белинского к Панаеву на протяжении всего периода их тесного сотрудничества было неоднозначным. Строки из его письма от 5 декабря 1842 года наилучшим образом свидетельствуют об этом: «Я люблю Вас Панаев, люблю горячо — я знаю это по минутам неукротимой ненависти к Вам» [1, с. 521].

Если в начале их знакомства (конец 1830-х гг.) Панаев предстает перед нами одним «из тех людей, которых, — по словам Белинского, — узнавши раз, не захочешь никогда расстаться и которые глубиной души умеют соединить с нормальностью и тактом действительности» [1, с. 273], то в 1840-е годы отношение критика к Панаеву меняется. Белинский при всей своей любви к писателю, все чаще отмечает его слабые стороны: доброта и ум уживаются в нем с легкостью характера, внутренней пустотой, «свистунским» началом.

То же самое происходит и в оценке творчества Панаева. Так в письме Белинского к Панаеву от 26 апреля 1838 года мы читаем: «Я <...> давно полюбил Вас: во всем, что ни писали Вы, видна такая прекрасная, такая человеческая душа. Вы один доказали мне, что можно быть человеком и петербургским литератором» [1, с. 126]. В это же время критик неоднократно просит Панаева принять участие в своем журнале «Московский наблюдатель»: «... Право, если Вы для 4 № не дадите своей повести — я рассорюсь с Вами» [1, с. 241]. Да и сам Панаев не боится указывать Белинскому на недостатки его статей. «Вы напрасно изъясняетесь языком не для всех понятным; — пишет Панаев известному критику в 1838 году. — Вы забываете о массе, с которой Вы

должны говорить непременно. Зачем пугать ее языком кабинетным?» [2, с. 515]. И авторитет Панаева на тот момент заставляет Белинского прислушиваться. «Совершенно согласен с Вами насчет философских терминов, — отвечает Белинский. — Говорите мне правду смело, только этим Вы можете доказать мне свое дружеское расположение» [1, с. 146].

Более строго оценивает Белинский творчество Панаева позже. Так, в своем письме И.С.Тургеневу от 1/13 марта 1847 года он пишет: «...писание этого человека [И.И.Панаева — Е. Ш.] — самые трудные роды», отмечая при этом «абсолютное отсутствие всякой самодеятельности ума» [1, с. 273], считая его выписавшимся, не способным написать порядочной повести, и в конечном итоге усматривая в нем не столько бесполезного, сколько вредного сотрудника журнала. Не столь резкие отзывы Белинского о творчестве Панаева читаем мы в «Заметках...» И.А.Гончарова, по словам которого Белинский «хвалил повести Панаева, и однажды только как-то нехотя, почти шепотом, сказал мне уныло: “творчества у него ни капли нет”» [3, с. 178]. Единственное, чего не мог отрицать критик в Панаеве, как одно из положительных его качеств, — это «благородную решимость [Панаева — Е. Ш.] слышать иногда очень горькие для самолюбия истины и сознаваться в их справедливости» [1, с. 506].

Возможно, на отношения Белинского и Панаева повлияла их совместная деятельность в журнале «Современник», который Белинский в начале 1847 года называл журналом «без редактора, без главы» [1, с. 627], переживая за тираж, число подписчиков. «На счет Краевского я сильно ошибся: — пишет Белинский Тургеневу в марте 1847 года, — у него не только не убавилось, но даже прибавилось число подписчиков, несмотря на успех “Современника”».

Известно, что Панаев, выкупая «Современник» (не жалея на это 25000 рублей ассигнациями), становится его официальным редактором и издателем. Однако в объявлении о выходе в свет с 1847 года обновленного журнала «Современник» имя Н.А.Некрасова стоит рядом с именем Панаева — издателя журнала. Панаев, судя по его письмам к Н.Х.Кетчеру и в его лице ко всем «москвичам», не стремился к единоличному руководству в журнале. «Журнал этот, — пишет он Кетчеру, — с 1847 года столько же мой, сколько и ваш <...> Без вас, без вашей помощи нам нельзя существовать <...> Действуйте же и помогайте нам» [4, с. 183]. Возможно, такая наивная доверчивость и оттеснила Панаева на второй план. «Я понимаю важность журнала, — читаем в письме Панаева к Кетчеру годом позже (7 февраля 1847). — Я знаю, что в делах журнальных нельзя полагаться на один собственный ум и вкус. Некрасов понимает это также очень хорошо, и поэтому мы все делаем с общего согласия, и состав каждой книжки апробируется Белинским» [4, с. 186], который, в свою очередь, все более критично относится к издательской деятельности Панаева, отдавая предпочтение Некрасову. По его словам «Некрасов — золотой, неоцененный сотрудник для журнала; но распорядитель — сквернейший, хуже которого разве только Панаев» [5, с. 79].

Ложку дегтя добавляет и Некрасов, который рассказывал Белинскому «с некоторым видом удивления, как, составляя для смеси известия о литературных новостях во Франции, Панаев не умел от себя ни прибавить суждения, ни слова, ни переменить фразы и если что по этой части сделал, то почти под диктовку Некрасова» [5, с. 81].

Мнение Белинского уже сводилось к тому, что Панаев «выписался», «порядочной повести написать не в состоянии», и смотрел «на него скорее как на вредного, нежели как бесполезного сотрудника журнала» [5, с. 81].

Однако, по словам В.Е.Евгеньева-Максимова, «первые годы существования “Современника” под новой редакцией Панаев далеко еще не был той второй спицей в колеснице своего журнала, какою он стал в 50-е годы» [6, с. 108]. Об этом позднее свидетельствует и сам Некрасов в письме к Салтыкову в 1869 году: «Не надо думать, чтоб я имел тогда такое влияние на Панаева, какое приобрел впоследствии. Он был десятью годами старше меня (он был известный литератор) и находился в эту эпоху наверху своей известности <...> он был для меня авторитет...» [7, с. 239]. А «в глазах высших сфер, — по словам того же исследователя, — именно Панаев представлял собою “Современник” <...>. Светлейший князь Волконский изъявил именно Панаеву свое “удовольствие за удовольствие, доставляемое ему вообще “Современником” и повестью Гончарова в особенности”» [6, с. 109].

В последующие годы редакторско-издательская деятельность Панаева все больше набирает обороты. 19 апреля 1848 года Петербургский цензурный комитет утвердил редактором «Современника» Панаева. Допущенный к обязанностям редактора «лишь в виде опыта» [6, с. 247] (о чем свидетельствует предписание министерства от 16 апреля 1848 года за № 471, на которое ссылается Евгений-Максимов) Панаев, тем не менее, сумел сохранить за собой эту должность до конца своей жизни.

В 1856 году В.П.Боткин пишет И.С.Тургеневу «Вообще я не думаю, чтобы занятие Панаева журналом могло повредить “Современнику”, <...> литературного вкуса я даже полагаю более в Панаеве, чем в Некрасове» [5, с. 366].

Но в 1852 году юридические полномочия Панаева, как известно, стали наравне с Некрасовым, так как в этом году был заключен новый договор с Плетневым Панаева и Некрасова. Сохраняя официальные редакторские права, Панаев все больше уходит на второй план. Уже в 1856 году в роли редактора журнала на время отъезда Некрасова за границу, по существу, выступает неопытный на тот момент Н.Г.Чернышевский. Забытый Некрасовым Панаев вынужден был зачастую сам напоминать о себе, о своих редакторских правах. И оказывался прав, о чем свидетельствует известный инцидент с перепечаткой трех стихотворений Некрасова

(«Поэт и гражданин», «Забывтая деревня», «Отрывки из путевых заметок графа Гаранского»), что заставило Панаева очутиться под «обстрелом» со стороны властей и друзей [8, с. 220]. Панаеву как официальному редактору был объявлен «строжайший выговор» с предупреждением о прекращении «издаваемого им журнала при первом подобном случае» [9, с. 440]. «Панаева (эту ни в чем не повинную жопу “Современника”) призывали и пудрили», — сообщает А.Ф.Писемский в письме к Б.Н.Алмазову от 24 ноября 1856 года. «Некрасов, — продолжает он, — по свойственной ему филантропии тоже не побережет и ухлопает каким-нибудь риторическим, но вольнодумным стихотворением» [10, с. 103].

Причем Некрасов в письме к Тургеневу (от 6 декабря 1856 года) обвиняет Панаева в опрометчивой публикации. Однако виновником был Чернышевский, объяснивший этот промах своей неопытностью в письме к Некрасову от 7 февраля 1857 года.

Возвращаясь к литературной деятельности Панаева, надо отметить, что к своим сочинениям он относился достаточно строго. «Я знаю, что мои писания с точки зрения высшей, с художественной точки зрения рассматривать нельзя, да я <...> и не имел никогда на это претензии. <...> Я себя считаю литературною полезностью (utilite) вот и все», — пишет он в письме В.П.Боткину от 26 апреля 1856 года [11, с. 373-374].

И, тем не менее, как любая творческая натура, он нуждался в положительной оценке своих читателей. «Без привета и поощрения писать нелегко...» [11, с. 373-374], — пишет он в том же письме. И он ее получает.

Фельетоны, очерки, повести, пародии Панаева встречаются нам в большей степени на страницах «Отечественных записок», причем нельзя не отметить популярности его произведений в 1840-е гг.

Доказательством тому служат слова Н.Г.Чернышевского: «повести <Панаева>: “Дочь чиновного человека”, “Раздел имения”, “Белая горячка”, “Прекрасный человек”, “Русский фельетонист”, <...> др., — читались с жадностью. Когда, в 1846 году, некоторые сотрудники <...> покинули “Отечественные записки”, то в публике и в литературных кружках того времени говорили, что после Белинского важнейшею потерей для “Отечественных записок” будет потеря — Панаева» [12, с. 4]. Подобное мнение о творчестве Панаева 1840-х гг. встречаем мы и в воспоминаниях М.Е.Салтыкова-Щедрина: «Журналы читались с жадностью, но в особенности сильно было влияние “Отечественных записок”, и в них критики Белинского и повестей Панаева, Кудрявцева, Герцена и др.» [13, с. 82]. Повести Панаева положительно оценивались и отдельными представителями враждебного «Отечественным запискам» лагеря. Так, П.А.Плетнев, прочитав «Литературную тлю», произносит следующее: «Не гениальное перо, но весьма хорошо отточено» [14, с. 6-7]. А В.А.Солоницын («Библиотека для чтения») считал, что «Лермонтов по стихам и Панаев по прозе — здесь лучше всех» [15, с. 102], имея в виду журнал «Отечественные записки».

Положительно отмечен Белинским в 1841 году и очерк Панаева «Барыня» (сб. «Русская беседа»): «“Барыня” особо хороша: в ней столько характеристического, верного, ловко и цепко схваченного...» [16, с. 582]. Чего нельзя сказать о его повести «Родственники» (1847), которую Белинский назвал «подлейшей во всех отношениях» [5, с. 80], но, тем не менее, вызвавшей интерес у читательской публики.

Одним из вкладов Панаева в «Современник» был его знаменитый очерк нравов «Опыт о хлыщах. Провинциальный хлыщ» (1856), достоинство которого отмечено В.П.Боткиным в его письме к Панаеву от 14 апреля 1856 года: «“Провинциальный хлыщ” вышел очень хорош <...> Это действительно настоящий очерк нравов. <...> Знаешь ли, ты единственный мастер на это во всей литературе русской...» [11, с. 370]. Здесь же Боткин дает оценку и «Петербургским заметкам» Панаева. «Я знаю, что они с жадностью читаются», — говорит он, отмечая при этом и литературный талант автора: «Я всегда был друг твоего таланта <...> твоей литературной деятельности предстоит еще широкое и благодарное поле. Ради бога не считай ее за пустяки и безделушки» [11, с. 371]. С положительной стороны оценивает он в этом же году еще одно сочинение Панаева «Галерная гавань»: «...отличный рассказ, талантливый и согретый чувством» [11, с. 395]. Похвала друга подбодрила Панаева. «Ты не согласишься, — пишет он, — сквозь какие муки сомнения, касательно моих писаний, я прошел последнее время. Мне все казалось, что я кончил свое дело и уж теперь ни к черту негоден <...> письмо твое оживило меня и придало мне новые силы» [11, с. 373-374].

Причудливы колебания литературных репутаций и порою не до конца понятны. Если у А.С.Пушкина (по Ю.М.Лотману) всего две репутации (романтического поэта и поэта «действительности»), то у литераторов более позднего времени их больше, и здесь фигура Панаева предстает довольно выразительным примером.

Начинает он свой творческий путь романтическим поэтом и переводчиком Шекспира, далее предстает перед нами писателем повестей и очерков в духе «натуральной школы», автором критических статей и рецензий, удачливым и бескорыстным журналистом, сумевшим объединить вокруг «Современника» наиболее талантливых писателей. Но под конец своего творческого и жизненного пути Панаев предстает всего лишь сотрудником этого журнала и автором мемуаров.

И.И.Панаев решительно отличался своим происхождением, воспитанием, образованием, вкусом от литераторов, имевших демократические корни: В.Г.Белинского, Н.Г.Чернышевского, Н.А.Добролюбова. Думается, именно светскость писателя послужила основой обвинений его в легкомыслии, «пустоте», недалекости. Хотя и само это пресловутое легкомыслие имело за собой увлечение женщинами, «пустота» — неприятие «тяжеловесности», недалекость — доверчивость.

Однако упреки делались людьми, имевшими непререкаемый авторитет в определенных кружках, и становились впоследствии частью характеристики (общепринятой). В двадцатом веке они были «закреплены» критическими рассказами К.И.Чуковского.

К вышесказанному предположению можно добавить еще одну из причин ухода на второй план — болезнь Панаева, которая, по словам Некрасова, в 1857 году «подломила» его [9, с. 475]. О болезни Панаева в том же году говорит в своем письме к Тургеневу и П.В.Анненков: «Дурно, дурно с Панаевым. Сердце захватывает при мысли, что у него есть признаки рака на губе» [5, с. 519].

Репутация Панаева меняется как-то внезапно, «вдруг». И, собственно, нигде мы не находим внятного объяснения такого вытеснения известного писателя из журнала, в основании которого он принимал деятельное участие и редактором которого был длительный период времени. Именно рубеж 1855—1856-х годов стал в литературной судьбе писателя переломным. И причина изменений нам видится в том, что Панаев стал выглядеть все более чужим среди новых сотрудников «Современника», которые и поспособствовали вытеснению известного писателя на периферию.

1. Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. Письма 1829—1848. М., 1982. С. 248.
2. Письмо Панаева Белинскому от 16 июля 1838 года // Панаев И.И. Сочинения / Сост., подг. текста, вступ. ст., коммент. М.Отрадина. Л., 1987. С. 515.
3. Полное собрание сочинений И.А.Гончарова. СПб., 1899. Т. 11. С. 178.
4. Панаев — Кетчеру от 20 сентября 1846 года // Литературное наследство. М., 1950. Т. 56. Кн. 2. С. 183.
5. В.Г.Белинский — И.С.Тургеневу. 1/13.03.1847 // Переписка И.С.Тургенева: В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 79.
6. Евгеньев-Максимов В.Е. «Современник» в 40—50 гг. Л., 1934. С. 108.
7. Переписка Н.А.Некрасова: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 239.
8. Шашкова Е.В. И.И.Панаев-критик. Великий Новгород, 2008. С. 220.
9. Комментарий к письму Некрасова Тургеневу от 24 мая 1856 года // Переписка Н.А.Некрасова: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 440.
10. Письмо А.Ф.Писемского к Б.Н.Алмазову от 24.11.1856 // Писемский А.Ф. Письма. М.-Л., 1936. С. 103.
11. Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы 1847—1861 гг. М.; Л., 1930. С. 373-374.
12. Чернышевский Н.Г. Некролог Ивана Ивановича Панаева // Современник. 1862. № 2. С. 4.
13. Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 1. М.; Л., 1933—1941. С. 82.
14. Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 6-7.
15. Письмо Солоницына к Коршу от 20 мая 1841 // В.Г.Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 102.
16. Белинский В.Г. Русская литература в 1841 году // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 5. М., 1954. С. 582.

References

1. Belinskiy V.G. Works in 9 vols, vol. 9. Pis'ma 1829—1848 [Collected works: In 9 vols. Vol. 9. Letters 1829—1848]. Moscow, 1982, p. 248.
2. Pis'mo Panaeva Belinskemu ot 16 iyulya 1838 goda [Panaev's letter to Belinsky dated July 16, 1838]. In: Panaev I.I. Works. Leningrad, 1987, p. 515.
3. Polnoye sobraniye sochineniy I.A.Goncharova [Complete works of I.A.Goncharov]. St. Petersburg, 1899. Vol. 11, p. 178.
4. Panaev — Ketcheru ot 20 sentyabrya 1846 goda [From Panaev to Ketcher dated September 20, 1846]. Literaturnoe nasledstvo. Moscow, 1950. Vol. 56, book 2, p. 183.
5. V.G.Belinskiy — I.S.Turgenevu. 1/13.03.1847 [From V.G.Belinsky to I.S.Turgenev. 03/13/1847]. Perepiska I.S.Turgeneva in 2 vols, vol. 1. Moscow, 1986, p. 79.
6. Evgen'ev-Maksimov V.E. "Sovremennik" v 40—50 gg. [The Contemporary in the 40—50s]. Leningrad, 1934, p. 108.
7. Perepiska N.A.Nekrasova in 2 vols, vol. 2 [Correspondence of N.A.Nekrasov in 2 vols, vol. 2]. Moscow, 1987, p. 239.
8. Shashkova E.V. I.I.Panaev-kritik [Panaev-critic]. Velikiy Novgorod, 2008, p. 220.
9. Kommentariy k pis'mu Nekrasova Turgenevu ot 24 maya 1856 goda [Commentary on Nekrasov's letter to Turgenev dated May 24, 1856]. Perepiska N.A.Nekrasova in 2 vols, vol. 1. Moscow, 1987, p. 440.
10. Pis'mo A.F.Pisemskogo k B.N.Almazovu ot 24.11.1856 [Letter from A.F.Pisemsky to B.N.Almazov dated 24.11.1856]. In: Pisemskiy A.F. Pis'ma. Moscow, Leningrad, 1936, p. 103.
11. Turgenev i krug "Sovremennika". Neizdannyye materialy 1847—1861 gg. [Turgenev and the Circle of Sovremennik (The Contemporary). Unpublished materials 1847—1861]. Moscow, Leningrad, 1930, pp. 373-374.
12. Chernyshevskiy N.G. Nekrolog Ivana Ivanovicha Panaeva [Obituary of Ivan Ivanovich Panaev]. Sovremennik, 1862, no. 2, p. 4.
13. Saltykov-Shchedrin M.E. Polnoye sobraniye sochineniy: V 20 t. T. 1 [Complete works in 20 vols, vol. 1]. Moscow, Leningrad, 1933—1941, p. 82.
14. Perepiska Ya.K.Grota s P.A.Pletnevym [Correspondence of Ya.K.Grot with P.A.Pletnev]. St. Petersburg, 1896. Vol. 2, pp. 6-7.
15. Pis'mo Solonitsyna k Korshu ot 20 maya 1841 [Solonitsyn's letter to Korsh dated May 20, 1841]. V.G.Belinskiy i ego korrespondenty. Moscow, 1948, p. 102.
16. Belinskiy V.G. Russkaya literatura v 1841 godu [Russian literature in 1841]. Belinskiy V.G. Complete works in 13 vols, vol. 5. Moscow, 1954, p. 582.

Shashkova E.V. I.I.Panaev in the memoirs of his contemporaries (To the 210th birth anniversary). An outstanding journalist, editor, writer Ivan Ivanovich Panaev was a personality that largely determined the nature of literary and magazine life in the first half of the XIX century. His work is multifaceted, it includes lyrical poems and poetic parodies, short stories and essays, critical articles and notes, journalistic reviews and translations. However, the writer, who stood, one might say, in the thick of literary and journalistic life, was ousted in scientific literature from a series of figures whose influence is generally recognized. For the most part, I.I.Panaev is mentioned only in connection with them. Even his work on the creation of the new *Sovremennik* (The Contemporary magazine) was sometimes reduced almost to financial participation only. The task of the author of the article is to find out the reasons for the departure of I.I.Panaev — one of the expressive figures of his time — to the background of the literary and journalistic world.

Keywords: writer, journalist, I.I.Panaev, V.G.Belinsky, N.A.Nekrasov, articles, notes, publishing house, magazine, stories, feuilletons.

Сведения об авторе. Екатерина Владимировна Шашкова — кандидат филологических наук; преподаватель СПб ГБ ПОУ «Техникум «Приморский»» (Санкт-Петербург); ORCID: 0000-0002-7196-4515; Schaschkowa-E-W@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.03.2022. Принята к публикации 01.04.2022.

Ссылка на эту статью: Шашкова Е.В. И.И.Панаев в воспоминаниях современников (К 210-летию со дня рождения) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 3(42). С. 346-350. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.3(42).346-350

For citation: Shashkova E.V. I.I.Panaev in the memoirs of his contemporaries (To the 210th birth anniversary). Memoirs of NovSU, 2022, no. 3(42), pp. 346-350. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.3(42).346-350